

Сотрудничество Государственной конторы новых видов экспорта (Новоэкспорта) с Музеем антропологии и этнографии АН СССР (1930–1932 гг.)

М. Ф. Хартанович

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Для цитирования: Хартанович М.Ф. 2020. Сотрудничество Государственной конторы новых видов экспорта (Новоэкспорта) с Музеем антропологии и этнографии АН СССР (1930–1932 гг.). *Вопросы музеологии* 11 (1): 50–56. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2020.105>

Работа основана на документах Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук, связанных с деятельностью государственной конторы «Новоэкспорт» по выявлению новых статей экспорта посредством Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. Большое значение в 1930–1932 гг. придавалось привлечению к экспортной деятельности научных кадров музея, которые могли бы организовать экспорт предметов музейного уровня без ущерба коллекционному фонду, в данном случае в области этнографии, археологии, физической антропологии. Впервые освещается роль виднейшего сибиревода, этнографа, руководителя отдела Сибири Музея антропологии и этнографии В.Г.Богораза по сохранению имевшихся в музее коллекций. Оценивая возможности научного коллектива и фондов музея, Богораз настаивал на том, чтобы работы по выявлению экспортных коллекций в первую очередь основывались на конкретном заказе частного коллекционера или музея. Опыт проведения экспедиционных закупок этнографических коллекций в Хакасии и на Алтае без определенного заказа оказался в смысле экспорта неэффективен. Невостребованные этнографические коллекции остались в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР. Совместное участие музея и Новоэкспорта в Пушной выставке, проводившейся в рамках Пушного аукциона, в Лейпциге в 1930 г. также не принесло экспортных контактов. В.Г.Богораз настойчиво предлагал организовать в музее мастерскую по изготовлению реплик музейных коллекций. Ученый разработал тематическую структуру товаров. Она публикуется впервые. Преимущественно она охватывала традиционную культуру и быт народов Севера СССР. Некоторые контакты с зарубежными заказчиками среди научных институтов установил Отдел антропологии. Предметом экспорта могли служить материалы по физической антропологии. Работа мастерской по изготовлению копий не приняла масштабный характер, деятельность была свернута вместе с реорганизацией Новоэкспорта.

Ключевые слова: Новоэкспорт, экспорт коллекций, В.Г.Богораз, сибирские коллекции, Академия наук СССР.

Вопросы организации экспорта из СССР коллекций по археологии и этнографии Сибири в 1920–1930 гг. через Государственную контору новых видов экспорта (Новоэкспорт) нашли масштабное освещение в трудах ряда исследователей. Авторами были рассмотрены система организации сбора предметов для экспорта через краеведческое движение Сибири, музеи, специализированные экспедиции; затро-

нута судьба коллекций в собраниях музеев страны в свете решения внешнеэкономических задач; опубликованы ценнейшие архивные документы, в частности методики собирания археологических и этнографических коллекций в целях экспорта¹. Коллекции по культуре хакасов, собранные посредством Новоэкспорта, стали предметом историко-этнографического описания².

В настоящей статье объектом исследования стало взаимодействие конторы «Новоэкспорт» с Музеем антропологии и этнографии (МАЭ) АН СССР, а также роль виднейшего сибиреоведа, заведующего отделом Сибири указанного музея В. Г. Богораза (1865–1936) в сохранении паритета между задачами музея и задачами государственного строительства СССР в части расширения номенклатуры и увеличения объема экспортируемых товаров.

Музей антропологии и этнографии был привлечен к решению задач по увеличению статей экспорта как учреждение Академии наук СССР. В январе 1930 г. на имя неперменного секретаря Академии наук академика В. А. Комарова от Государственной конторы новых видов экспорта при Наркомторге РСФСР (Новоэкспорта) поступила просьба о содействии в обеспечении систематического экспорта научных материалов и коллекций по геологии, минералогии, палеонтологии, ботанике, зоологии, антропологии и этнографии. В качестве первоочередных предметов экспорта рассматривались дублеты, муляжи, запасные фонды без ущерба основным музейным собраниям, а также было предложено включить задачи по сбору дублетов в планы работ научных экспедиций. За собирание и выявление объектов экспорта предусматривалось вознаграждение в процентах от цены продажи³.

Музей антропологии и этнографии Академии наук в лице директора Е. Ф. Карского предложил в ответ следующие оперативные меры:

- в случае обеспеченности средствами воспользоваться запланированной экспедицией к долганам и собрать этнографические коллекции;
- воспользоваться заинтересованностью западноевропейских научных институтов в получении антропологических материалов по народам СССР и организовать сбор костных коллекций через корреспондентов Отдела антропологии музея и специальные экспедиции;
- по возможности предоставить дублеты и организовать изготовление муляжей с уникальных археологических предметов⁴.

В апреле 1930 г. Президиум Академии наук СССР оповестил Новоэкспорт о своем согласии содействовать вывозу за границу научных материалов и коллекций. Для планирования и осуществления собирательской деятельности была создана комиссия под председательством вице-президента АН СССР академика В. Л. Комарова⁵.

Новоэкспорт высоко оценивал сотрудничество с научными учреждениями, полагаясь на то, что совместная работа с учеными позволит без ущерба для страны най-

¹ Вдовин, Китова, 2010; Китова, Вдовин, 2015; Вдовин и др., 2017.

² Дьяконова, Ключева, 1980.

³ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 65. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 65. Л. 7.

⁵ Там же. Л. 26.

ти новые статьи экспорта, «вызвать к жизни многие тихо спящие производительные силы нашего обширного Союза». Изыскания новых статей экспорта оказывали положительное практическое влияние и на научные учреждения, и на научных работников, тесно взаимодействовавших таким образом с практической стороной жизни⁶.

В Музее антропологии и этнографии АН СССР эту обязанность взял на себя заведующий отделом Сибири В. Г. Богораз.

Определенным результатом сотрудничества стало участие музея совместно с Новозэкспортом в Пушной выставке, проводившейся в рамках Пушного аукциона, в Лейпциге в июне 1930 г. Музей выставлял традиционную одежду народов Сибири, охотничьи ловушки и оружие. Предметы иллюстрировали фотографии сцен охоты. Кроме того, для продажи экспонатов был разработан, но не осуществлен, проект этнопарка. В отделе советского павильона «Зверь в искусстве» показывались гипсовые слепки уникальных чукотских предметов с целью популяризации вывоза слепков за границу, но дальнейший вывоз налажен не был⁷.

В начале 1930-х гг. Новозэкспортом и Обществом изучения Сибири и ее производительных сил проводились экспедиции, в том числе по сбору этнографических коллекций, не вышедших на внешний рынок и поступивших несколько позднее в Музей антропологии и этнографии АН СССР.

В феврале 1931 г. В. Г. Богораз обратился в Президиум АН СССР с планом организации выявления статей экспорта в музее. Ученый предложил системный подход к созданию экспортной продукции силами музея и научного коллектива. Богораз считал нужным организовать взаимодействие с зарубежными торговыми агентами для понимания номенклатуры предметов, представлявших коммерческий интерес.

В связи с высокой заинтересованностью заграничных учреждений в получении материала по физической антропологии деятельное участие в создании новых статей экспорта мог принять Отдел антропологии музея. По этому вопросу с музеем переписывались немецкий палеоантрополог, руководитель кафедры антропологии Франкфуртского университета Франц Вейденрейх и чешский антрополог, основатель Института антропологии в Масариковом университете (Брно) Войтех Зук⁸.

Отметим, что остеологические материалы с территории России привлекали еще европейских естествоиспытателей XVIII–XIX вв., занимавшихся вопросами сравнительной морфологии скелета и черепа человека в разных регионах его расселения⁹. Благодаря академику Императорской академии наук в Санкт-Петербурге, основоположнику физической антропологии в России Карлу Эрнсту фон Бэру (1792–1876) Музей антропологии и этнографии обладал систематизированной остеологической коллекцией по народам мира. Сложность получения такого материала, ценность научных коллекций натурального остеологического материала побудили Бэра организовать изготовление гипсовых слепков черепов для научного и музейного обмена, не исключая его коммерческого характера¹⁰. Таким образом, взаимодействие физических антропологов в этом направлении имело в Музее антропологии и этнографии Академии наук определенные традиции.

⁶ Там же. Л. 28.

⁷ Там же. Л. 32 об.

⁸ Там же. Л. 32.

⁹ Хартанович, Хартанович, 2016. С. 116–117.

¹⁰ Там же. С. 119.

В части этнографических коллекций Европейский отдел музея совместно с Новоэкспортом и Госторгом выбрали в качестве объекта экспорта саамскую традиционную одежду (как уточнялось — весьма удобную для занятий спортом в северных странах), саамские игрушки, поделки из карельской березы. К определению объемов и цен были привлечены краеведы Ленинградской области и Карелии¹¹.

Опыт сбора этнографических коллекций без обеспечения заказом частного коллекционера или музея показал свою несостоятельность. Сибирские этнографические коллекции, собранные «вслепую», предстояло вывезти за границу и предлагать на зарубежном рынке желающим, которых могло и не оказаться. В то же время в сибирских этнографических коллекциях нуждались стремительно организуемые в СССР региональные музеи. В. Г. Богораз предложил план, «более соответствующий достоинству русской этнографической науки», — производство реплик, позволяющее обеспечивать коллекциями как отечественные, так и зарубежные музеи. По части этнографии Сибири интерес для такого производства представляли:

«1. Ловушки: самострел, кляпса, черкан, пасть, сило. Ловушки нужно сделать действующими, так чтобы можно было выявлять самый процесс захвата добычи.

2. Каменные орудия у малых народностей Севера. Некоторые из них еще сохранились в производстве, хотя отступили, либо в область женского хозяйства, либо в состав религиозной святыни. Таковы, например, каменный молоток и наковальня, употребляемые чукотскими женщинами для дробления костей. Другие сохраняются в производстве под охраной религии. Так, у коряков, в охоте на белых дельфинов, употребляется до сих пор гарпун с каменным наконечником. Иначе «морской хозяин» будет сердиться, он вообще не любит железа. Сюда же примыкают: А) костяные и деревянные орудия, хотя и сделанные в настоящее время железным ножом; шилья, иголки, ланцеты, швейки и т. п.; деревянные скребки для собирания ягод и пр.; Б) каменные орудия, несколько улучшенные малой прибавкой железа. Например: гарпун с верхним ободком из кусочка котельной старой жести. Серия скребков для выделки кожи, один из кремня, другой из обсидиана, третий из железа. Первыми двумя женщина начинает, последним кончает работу. Даже полярные русские употребляют каменный скребок и называют его характерно: «камень дерево»; В) столь же интересен обширный класс орудий, сделанных из железа, но сохранивших форму каменных орудий эпохи неолита. Таков, например, чукотский топорик для тесания, с кривой ручкой и поперечным лезвием, привязанным ремнями. Женский нож для пластанья мяса, воспроизводящий в железе форму ножа, сделанного из шифра (шифера. — М. Х.), и т. д., техника палеолита и неолита в производстве саней, лодок и других деревянных изделий. Можно сделать вырезки полоза, нащепца из целого ряда сибирских нарт, имеющих скрепление из крепкого ремня, продернутого сквозь высверленные дыры, типичные для неолита. Другие скрепления из 19 сложенных деревянных частей, обвязанных туго ремнем, без всяких сверлений, имеют скрепление палеолитическое.

4. Картинное письмо на коже, бересте, дереве, имеющее характер производственный, а также любовный, торговые записи, бирки, тамги и т. д. Можно подобрать прекрасную коллекцию.

5. Искусство: а) графика, изображения животных, духов, людей на молитвенных досках, на бубнах. Гравюры на кости, на камне, на дереве: черные и раскрашенные. Алеутская графика и гравюры достигли большого совершенства. Наши коллекции в этом отношении являются единственными; б) резные фигуры из кости, моржовой и мамонтовой, чукотские, коряцкие, якутские и проч. Тунгусо-манчжурские рисунки, вырезанные из бересты и наклеенные на темный фон. Костяные фигурки можно сделать в виде гипсовых

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 65. Л. 32.

отливок, для которых имеются соответствующие матрицы. Орнамент по бересте, рыбьей коже, вышивка волосом и шелком и т. д. Указанный список относится к предметам материальной культуры. Таковую же серию можно было бы сделать по материальной святыне, в виде графических и рельефных изображений в виде точных копий»¹².

Необходимость создания при Музее антропологии и этнографии мастерской для создания копий музейных предметов для экспорта была обозначена В. Г. Богоразом на совещании Музея антропологии и этнографии, Зоологического, Ботанического, Минералогического музеев Академии наук в марте 1931 г. Богораз также представил коллегам более лаконичную структуру экспорта этнографических коллекций, относящихся преимущественно к народам Северной Евразии:

- «— Каменные орудия, бытующие среди северных народностей СССР.
- Процессы и приемы обработки дерева и кости, скреплений и т. д. палеолитического и неолитического типа.
- Раннее железо. Железные орудия неолитической формы.
- Орудия для собирания корней.
- Начатки письменности. Картинное письмо, производственное, любовное, торговое.
- Искусство. Развитие рисунка, гравюры и резьбы, в образцах.
- Искусство и религия. Развитие религиозного изображения от и до более сложных форм»¹³.

Президиум АН СССР одобрил создание мастерской реплик, выделив 600 руб. на подборку и изготовление пробной партии, печатание иллюстрированной фотографиями брошюры на русском, английском и немецком языках¹⁴. Однако какого-либо массового характера это начинание не приобрело.

Очевидно, что для поиска этнографических предметов для экспорта были привлечены краевые музеи. К примеру, в феврале 1932 г. в Музей антропологии и этнографии АН СССР поступило письмо из Троицкосавского (Троицкосавск — ныне Кяхта) краевого музея с просьбой прислать специалиста для атрибуции и оценки для Новозэкспорта имевшейся в музее большой коллекции предметов буддийского культа. Также музей сообщал, что в Улан-Баторе каждый год в летнее время недорого продавались предметы мистерии Цам, которые могли бы заинтересовать Новозэкспорт¹⁵.

Рассматривалась возможность воспроизводства предметов меховой одежды для нужд экспорта. В апреле 1932 г. в Музей антропологии и этнографии АН СССР обратился Научно-исследовательский экспериментальный институт естественной кустарной промышленности с просьбой дать информацию об имевшихся в музее меховых изделиях народов Севера: одежде, головных уборах, варежках, сапогах, туфлях, коврах. Музей ответил готовностью предоставить специалистам НИИ для осмотра многочисленные запрашиваемые коллекции¹⁶.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 65. Л. 30. Здесь и далее орфография заменена на современную, исправлены явные ошибки.

¹³ Там же. Л. 35.

¹⁴ Там же. Л. 35.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1-1932. Д. 25. Л. 16.

¹⁶ Там же. Л. 12–13.

Очевидно, что обогатить статьи экспорта за счет самих этнографических предметов не удалось: собранные экспедициями коллекции оказались не востребованы, наладить в музее изготовление реплик для продажи не получилось. Таким образом, собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР пополнились следующими коллекциями:

- предметы быта и культа остяков (хантов) Нарымского края (МАЭ № 5111), фотоотпечатки (МАЭ И 123), собранные археологом, этнографом И. М. Мягковым;
- предметы быта и культа хакасов, собранные историком, краеведом А. В. Харчевниковым (МАЭ № 5062), а также полученные от конторы «Новоэкспорт» (МАЭ № 5061), фотоотпечатки с типами хакасов (МАЭ И 121) от Новоэкспорта;
- предметы культа и быта алтайцев, шорцев, тубаларов, собранные этнографами А. В. Анохиным и А. И. Новиковым (МАЭ № 5063, 5064, 5065, 5068, 5069, 5070) и приобретенные у Новоэкспорта (МАЭ № 5071, 5072, 5073).

Литература

- Вдовин А. С., Китова Л. Ю. 2010. О продаже за границу сибирских археологических и этнографических коллекций в 20–30-е гг. XX в. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева* 2: 171–182.
- Вдовин А. С., Китова Л. Ю., Кочкина Е. И., Конохов В. А. 2017. Минусинско-хакасская археологическая экспедиция 1930 г. для «Новоэкспорта». *Вестник Кемеровского государственного университета* 4: 30–35.
- Дьяконова В. П., Клюева Н. И. 1980. Этнографические коллекции 30-х годов по алтайцам и хакасам в собрании МАЭ. *Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР: к 100-летию образования первого академического этнографического центра*. Л.: Наука: 73–84.
- Китова Л. Ю., Вдовин А. С. 2015. *Судьбы историко-культурного наследия народов Сибири (из истории организации экспорта археологических и этнографических коллекций в 1920–1930 годы)*. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т.
- Хартанович В. И., Хартанович М. В. 2016. Карл Эрнст фон Бэр — архитектор краниологического собрания Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (к истории формирования Российских антропологических коллекций). *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология* 1: 116–122.

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2019 г.;
рекомендована к печати 18 марта 2020 г.

Контактная информация:

Хартанович Маргарита Федоровна — д-р ист. наук, вед. науч. сотр.; mkhart@yandex.ru

**Collaboration of the State New Exports Office (Novoexport) with
the Museum of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences of
the USSR (1930–1932)**

M. F. Khartanovich

Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences,
3, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Khartanovich M.F. 2020. Collaboration of the State New Exports Office (Novoexport) with the Museum of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR (1930–1932). *The Issues of Museology* 11 (1): 50–56. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2020.105> (In Russian)

The work is based on documents of the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences related to the activities of the State Office “Novoexport” to identify new export items through the Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences in Leningrad. Great importance in 1930–1932 was given to attracting academic researchers of the Museum to export activities since they could organize export of the museum-level items without harming the funds. The role of the most prominent Siberian researcher, ethnographer, head of the Siberian Department of the Museum of Anthropology and Ethnography Vladimir G. Bogoraz on saving the collections is highlighted. Assessing the capabilities of the Museum’s funds and the research team Bogoraz insisted that the work on identifying export collections should be based primarily on a specific order from a private collector or museum. The experience of expeditionary procurement of ethnographic collections in Khakassia and Altai without a specific order was not effective in terms of export. Unclaimed ethnographic collections remained at the Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences. The joint participation of the Museum and Novoexport in the Fur Exhibition within Fur Auction in Leipzig in 1930 also did not bring export contacts. Bogoraz persistently proposed to organize a laboratory of replica of museum collections in the Museum. The scientist developed a thematic structure of goods. The structure is published in the article for the first time. It mainly covered the traditional culture and life of the peoples of the North of the USSR. The Anthropology Department established some contacts with foreign customers among scientific institutes. The items of export could be materials on physical anthropology. The work of the replica-making laboratory did not take on a large-scale character, the activity was curtailed with the reorganization of Novoexport.

Keywords: Novoexport, collections export, Vladimir Bogoraz, Siberian collections, Academy of Sciences of the USSR.

References

- D’iakonova V.P., Klueva N.I. 1980. Ethnographic Collections of the 1930s on the Altai and Khakassas in the MAE Collection. *Sobraniia Muzeia antropologii i etnografii AN SSSR: k 100-letiiu obrazovaniya pervogo akademicheskogo etnograficheskogo tsentra*. Leningrad: Nauka Publ.: 73–84. (In Russian)
- Khartanovich V.I., Khartanovich M. V. 2016. Karl Ernst von Baer — Architect of the Craniological of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (on the history of Russian Anthropological Collection Development). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* 23(1): 116–122. (In Russian)
- Kitova L. Iu., Vdovin A. S. 2015. *The Fate of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Siberia (from the History of the Organization of Export of Archaeological and Ethnographic Collections in 1920–1930)*. Kemerovo: Kemerov. gos. un-t Publ. (In Russian)
- Vdovin A. S., Kitova L. Iu. 2010. On the Sale Abroad of Siberian Archaeological and Ethnographic Collections in the 1920–1930s. *Vestnik Krasnoarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf’eva* 2: 171–182. (In Russian)
- Vdovin A. S., Kitova L. Iu., Kochkina E. I., Konokhov V. A. 2017. Minusinsk-Khakass Archaeological Expedition of 1930 for Novoexport. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* 4: 30–35. (In Russian)

Received: December 12, 2019

Accepted: March 18, 2020

Author’s information:

Margarita F. Khartanovich — Dr. Sci. in History, Leading Researcher; mkhart@yandex.ru